М. Бородкинъ.

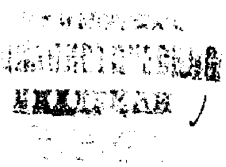
СЛАВЯНОФИЛЬСТВО ТЮТЧЕВА и ГЕРЦЕНА

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ Собраніи Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества 11 Мая 1901 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
С.-Петербургская Электропечатня. Коломенская ул., 38—41.
1902.

PV
3541
Бор

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ 15 Ноября 1901 г



СЛАВЯНОФИЛЬСТВО
Тютчева и Герцена.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ Собраніи Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества 11 Мая 1901 г.)

I.

Имѣется у насъ „самобытный глубокій мыслитель. своеобразный истинный художникъ-поэтъ, одинъ изъ малаго числа носителей и даже двигателей нашего русскаго народнаго самосознанія". Какъ поэтъ, онъ долженъ стоять очень близко къ солнцу нашей поэзіи — Пушкину; какъ мыслитель — возлѣ отцовъ славянофильства — Хомякова, Кирѣевскихъ. Аксаковыхъ, такъ какъ онъ высоко цѣнилъ душу русскаго народа. Онъ прекрасный представитель нашей національности, съ широкимъ европейскимъ образованіемъ, съ рѣдкимъ остроуміемъ. Имя ему Ѳеодоръ Ивановичъ Тютчевъ. Онъ далеко не пользуется у насъ тою популярностію, которую онъ заслуживаетъ, какъ поэтъ и какъ мыслитель. — „Литературный послужной списокъ его не объемистъ". говоритъ Ив. Аксаковъ.

И. С. Тургеневъ смѣло призналъ Тютчева „однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ (лирическихъ) поэтовъ", видя въ тоже время у него и устарѣлыя выраженія, и блѣдные вялые стихи. Все это,—по мнѣнію Тургенева,—выкупалось неподдѣльностью его вдохновенія, тѣмъ поэтическимъ дуновеніемъ, которымъ вѣетъ отъ его страницъ, и смѣлымъ языкомъ „почти пушкинской красоты". „Чувство природы въ Тютчевѣ необыкновенно тонко, живо и вѣрно"; „языкъ страсти, языкъ женскаго сердца ему (также) знакомъ и дается ему" („Соврем." 1854, IV). Некрасовъ отнесъ стихотворенія Тютчева къ „блестящимъ явленіямъ въ области русской поэзіи", въ виду того, что они отличались всегда „граціозностію" и были исполнены „мысли и неподдѣльнаго чувства; искусствомъ же изображать природу Тютчевъ владѣлъ въ совершенствѣ. Читая, напримѣръ, „Весеннія воды" „чувствуешь весну", чувствуешь, что:

Опять весна душистая
Повѣяла кругомъ. („Соврем." 1850, № 1).

А. Фетъ писалъ, что „поэтическая сила, т. е. зоркость Тютчева—изумительна“. Тютчева нельзя упрекнуть въ рутинности. „Каждый стихъ нашего поэта дышетъ какою-нибудь тайной природы... Какою эдемскою свѣжестію вѣетъ его весна и югъ“! Фета поражали „смѣлые, неожиданные эпитеты или бойкая метафора нашего поэта„ („Рус. Слово“ 1859, февр.). Но ранѣе всѣхъ ихъ талантъ Тютчева былъ оцѣненъ Пушкинымъ. Въ такомъ-же родѣ высказались о поэтическомъ талантѣ Тютчева—Хомяковъ, И. Аксаковъ, Вл. Соловьевъ и др.—Въ книгѣ А. Волынскаго („Борьба за идеализмъ“) читаемъ даже слѣдующія удивительныя строки: „Мы любили Тютчева“,—говорилъ Волынскому однажды Левъ Толстой. „Вы знаете Тютчева? Вы помните его? Для меня Тютчевъ выше Пушкина“. „Въ нашемъ кружкѣ,—прибавилъ Толстой черезъ нѣсколько мгновеній, — всегда предпочитали Тютчева Пушкину... Да, онъ *выше* Пушкина“ (стр. 235). Это, конечно, совершенно исключительное мнѣніе.

Итакъ, Пушкинъ, Тургеневъ, Фетъ, Никитенко, Некрасовъ, Плетневъ, Хомяковъ, Ив. Аксаковъ, Вл. Соловьевъ, Л. Н. Толстой и др. признали выдающійся поэтическій талантъ Тютчева и точно опредѣлили въ чемъ именно заключается его сильная сторона; они отмѣтили глубину мысли, яркость красокъ, силу языка, ясность образовъ и пр. (Плетневъ). Но, нѣтъ! Этихъ именъ оказалось мало, ихъ поэтическаго чутья и эстетическаго вкуса—недостаточно. Явился харьковскій критикъ Н. Ѳ. Сумцовъ и смѣло взялся развѣнчать Тютчева особенно за его мистико-патріотическія и славянофильскія стихотворенія, а также за любовные стихи, въ которыхъ, по его мнѣнію, много разсужденій и тяжелый языкъ. Пушкина,—по мнѣнію Сумцова,—Тютчевъ не понялъ, такъ какъ стихотвореніе на кончину великаго нашего поэта ему неудалось. За стихотвореніе „Близнецы“ Сумцовъ относитъ Тютчева даже къ декадентамъ! Разобравъ еще нѣсколько стихотвореній Тютчева, современный критикъ недоумѣваетъ, за что собственно Тютчева отнесли къ пушкинской плеядѣ и отводитъ ему не особенно видное мѣсто въ нашемъ Пантеонѣ. („Харьковскій Университетскій сборникъ въ память А. Пушина“, 1900 г.).

Отмѣчаемъ все это лишь мимоходомъ.

Въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ не поэтическое творчество Тютчева, а развитіе въ немъ такъ-называемаго славянофильскаго міросозерцанія.

Имѣется прекрасная біографія Тютчева, написанная И. Аксаковымъ [1]). Кто незнакомъ съ этой книгой, сказалъ Страховъ, тотъ не имѣетъ еще права разсуждать о славянофильствѣ.

Изъ этой біографіи намъ желательно напомнить одинъ многознаменательный фактъ.

Тютчевъ родился въ 1803 г. въ Орловской губ. Его воспитателемъ былъ Семенъ Егоровичъ Раичъ—ученый, знатокъ древней и иностранной словесности. Въ 1818 г. Тютчевъ поступилъ въ Москов. универс., гдѣ познакомился между прочимъ съ Погодинымъ. Тютчеву не было еще 18 л., когда онъ отлично сдалъ свой послѣдній экзаменъ и получилъ кандидатскую степень. Въ 1822 г., какъ чиновникъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, онъ выѣхалъ за границу, въ Мюнхенъ, куда его сопроводилъ благочестивый старикъ-дядька Ник. Аѳанасьевичъ *Хлоповъ*, соблюдавшій за границей всѣ русскіе обычаи. Хлоповъ—это своего рода Арина Родіоновна: онъ способствовалъ Тютчеву въ сохраненіи духовной самобытности на чужбинѣ.

Домъ Тютчева, по необходимости, былъ поставленъ на иностранный ладъ. Всѣ говорили на французскомъ языкѣ. Заграницей Ѳедоръ Ивановичъ пополнилъ и закончилъ свое образованіе и превратился въ Тутшéва. Онъ вращался въ мюнхенскомъ обществѣ, гдѣ „предъявлялся запросъ на умъ, образованность и талантъ“. Въ Мюнхенѣ онъ женился на вдовѣ Петерсона и благодаря женѣ попалъ въ цѣлый сонмъ нѣмцевъ-родственниковъ. Жена по-русски не говорила. Вскорѣ онъ овдовѣлъ и вновь женился на иностранкѣ,—женщинѣ замѣчательной красоты и ума—урожденной баронессѣ Пфеффель.

Вотъ обстановка, въ которой Тютчевъ прожилъ двадцать два года изрѣдка, и то на короткое время, пріѣзжая въ Россію, гдѣ, кстати сказать, не вполнѣ уживался въ деревенской средѣ. Въ одномъ изъ стихотвореній имѣется слѣдующее признаніе поэта: „Ахъ нѣтъ! не здѣсь, не этотъ край безлюдный былъ для души моей родимымъ краемъ; не здѣсь прошелъ, не здѣсь

[1]) Этою біографіей мы главнымъ образомъ и воспользовались для настоящаго очерка.

былъ величаемъ великій праздникъ молодости чудной! Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ то, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ!“

Съ 18 лѣтняго возраста онъ жилъ за границей; на чужбинѣ „пережилъ весь процессъ внутренняго развитія, отъ юности до зрѣлаго мужества“. Онъ былъ „свѣтскимъ человѣкомъ“ въ полномъ и лучшемъ значеніи этого слова; онъ все время находился на „международной аренѣ“ среди „утонченной культуры“. 22 года внѣ родины! И что же? Можно было ожидать, что онъ сдѣлается, подъ вліяніемъ западной „гражданственности“, „европейцемъ“ или космополитомъ, или, наконецъ, проповѣдникомъ „общечеловѣческой цивилизаціи“. Ничуть не бывало! Наши дипломаты, среди которыхъ онъ вращался, не знали въ то время, что такое „національность въ политикѣ“, не знали русскаго языка. не знали и Россіи. Они пеклись о Европѣ и заняты были соблюденіемъ правилъ галантерейнаго обхожденія и тѣмъ не менѣе Тютчевъ остался русскимъ. Этого мало. Онъ сдѣлался, какъ поэтъ, „однимъ изъ лучшихъ украшеній русской словесности“. Онъ, какъ мыслитель, сохранилъ „самобытность духовной природы“. Въ немъ не угасло русское чувство! У него „выработался твердый философскій строй *національныхъ воззрѣній*“, то, что мы называемъ славянофильствомъ.

Вотъ на эту-то особенность намъ и желательно обратить особое вниманіе. По вкусамъ и привычкамъ этотъ „европеецъ высшей пробы“ заслушивался пѣнья средиземныхъ волнъ и пламенѣлъ любовью къ Россіи! Онъ проявилъ рѣдкій патріотизмъ. Живя на Западѣ, онъ совершенно самобытно выработалъ свои воззрѣнія, которыя оказались въ главнѣйшихъ частяхъ совершенно тождественными со славянофильскими.

Надо еще помнить, что когда Тютчевъ уѣхалъ изъ Россіи, московскаго кружка не было. „Русская мысль еще не вчинала подвига народнаго самосознанія“. Только послѣ 12 года рѣзче стали пробиваться тѣ ручейки, которые впослѣдствіи слились вмѣстѣ и образовали сильный потокъ славянофильства. Только въ 30 и 40-хъ годахъ додумались у насъ до необходимости своей національности, до необходимости строить свою жизнь и свое царство на основахъ прошлаго собственной исторіи. Образованное наше общество находилось тогда подъ исключительнымъ вліяніемъ французской литературы. Тогда, когда Тютчевъ поки-

нулъ родину, у насъ только раздалась первая пѣсня Пушкина и не было еще исторіи Карамзина. Въ отсутствіи Тютчева сложились и выяснились тѣ два направленія, которыя и до сихъ поръ составляютъ собою главнѣйшее проявленіе политической и литературной жизни нашего общества — западниковъ и восточниковъ. Безъ Тютчева происходили тѣ первыя словесныя схватки въ гостиныхъ, сборищахъ и на каѳедрахъ между двумя станами, которыя дали многихъ незабвенныхъ бойцовъ. — Представители одного направленія, углубившись въ изслѣдованіе коренныхъ духовныхъ и гражданскихъ стихій русскаго народа, стали допрашивать „духа жизни“, сокрытаго въ быломъ, и указали на новыя основы для соціальнаго и политическаго строя человѣчества; они протестовали противъ деспотизма Петра, добивались уваженія къ русской народности и освобожденія русской мысли изъ духовнаго рабства передъ Западомъ. Другой лагерь принялся отрицать русскія начала, подавленный мыслію о безобразіи нашей собственной жизни и мыслію о величіи Европы. „Отеч. Записки“, напр., видѣли спасеніе Россіи только въ духовномъ отреченіи отъ своей народности и полнѣйшемъ усвоеніи себѣ западной цивилизаціи (Барсуковъ V, 457).

Оставаясь совершенно въ сторонѣ отъ этихъ новыхъ русскихъ умственныхъ движеній, и не зная тѣхъ личностей, которыя стали во главѣ славянофильства, Тютчевъ самостоятельно выработалъ то міросозерцаніе, которое извѣстно подъ именемъ славянофильскаго. Тождество воззрѣній оказалось поразительнымъ, хотя Тютчевъ не задавался изученіемъ русскаго народнаго быта и не углублялся въ нашу исторію, подобно К. Аксакову и Кирѣевскому. „Силою собственнаго труда, идя путемъ совершенно самостоятельнымъ, своеобразнымъ и независимымъ, безъ сочувствія и поддержки,—напротивъ, наперекоръ окружающей его средѣ и могучимъ вліяніямъ, — Тютчевъ пришелъ къ выводамъ, совершенно сходнымъ съ основными славянофильскими положеніями, къ ихъ чаяніямъ и гаданіямъ, а въ нѣкоторыхъ политическихъ своихъ соображеніяхъ явился еще болѣе крайнимъ“.

„Имѣется свидѣтельство Пфефеля о томъ, что Тютчевъ еще въ тридцатыхъ годахъ постоянно спорилъ съ Шеллингомъ, котораго уже тогда занимала мысль о возможности захватить ре-

лигію въ область философіи и подчинить христіанское Откровеніе философскому толкованію и опредѣленію. Тютчевъ доказывалъ несостоятельность такой попытки и логическую необходимость признать не какую-нибудь истину вѣры, а непремѣнно ту, которая содержится во вселенскомъ церковномъ преданіи, равно какъ и самую идею и догматъ о церкви.

Ни въ *будущность протестантизма, ни въ будущность католицизма* Тютчевъ не вѣрилъ. Благо Запада Тютчевъ видѣлъ въ возсоединеніи западнаго христіанства съ восточною церковью на условіяхъ не только возстановленія вселенскаго догмата, но и отреченія отъ политической роли папства.

„Не менѣе поразительнымъ является и написанное имъ въ 1841 г. посланіе къ Ганкѣ". Сношенія со славянами едва зачинались, благодаря Погодину, а Тютчевъ, съ своей стороны, очень глубоко и самостоятельно оцѣнилъ значеніе этого новаго историческаго явленія.

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ,
Не пора-ль очнуться намъ?
И подать другъ другу руки
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ?
Вѣки мы слѣпцами были
И, какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы.
А случалось ли, порою,
Намъ столкнуться какъ-нибудь,
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь.
И вражды безумной сѣмя
Плодъ сторичный принесло:
Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло.

Впослѣдствіи Тютчевъ сдѣлался еще болѣе горячимъ приверженцемъ идеи славянскаго единства. Въ 1867 г.,—при пріѣздѣ славянскихъ гостей, — онъ писалъ:

...„Опально-міровое племя!
Когда-же будешь ты народъ?
Когда-же упразднится время
Твоей и розни и невзгодъ,
И грянетъ кликъ къ объединенью,

И рухнетъ то, что дѣлитъ насъ!
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:
Ему извѣстны день и часъ"...

Укажемъ еще на слѣдующее. Тютчевъ въ Мюнхенѣ, а Хомяковъ въ Москвѣ пишутъ стихотворенія, посвященныя Наполеону, по случаю перенесенія праха героя съ о-ва св. Елены въ Парижъ, и оба убѣждены, что Наполеона сокрушила нравственная сила русскаго народа,—его смиреніе, его вѣра,—а не сила матеріальная.

Въ 1844 г. Тютчевъ написалъ статью „Россія и Германія", въ которой прямо противопоставляетъ Западную Европу Европѣ Восточной, называетъ Россію „цѣлымъ міромъ, единымъ въ своемъ основномъ духовномъ началѣ", „болѣе истинно-христіанскимъ", чѣмъ Западъ. Ив. Сер. Аксаковъ прибавляетъ, что „не подлежитъ сомнѣнію, что подобное политическое вѣроисповѣданіе не было въ то время еще никѣмъ заявлено въ русской литературѣ, особенно такъ прямо и положительно".

„Россія прежде всего держава христіанская", доказывалъ Тютчевъ: „русскій народъ христіанинъ не въ силу только православія своихъ вѣрованій, но и въ силу того, что еще задушевнѣе вѣрованій. Онъ христіанинъ по той способности къ самопожертвованію, которая составляетъ какъ бы основу его нравственной природы"...

„Россія — особый міръ", говорилъ Тютчевъ, „съ высшимъ политическимъ и духовнымъ призваніемъ, а православіе—высшее просвѣтительное начало, залогъ будущаго для Россіи и всего славянства". Тютчевъ полагалъ еще, что обновленіе возможно для Запада только въ возвращеніи къ древнему вселенскому преданію и древнему церковному единству. Тютчевъ обличалъ, наконецъ, въ цивилизаціи Запада оскудѣніе духовнаго начала. Въ Россіи онъ видѣлъ: „лучшихъ будущихъ временъ глаголъ, и жизнь, и просвѣщеніе!" И къ этому смѣлому выводу Тютчевъ пришелъ, проживъ 22 г. среди самыхъ утонченныхъ европейцевъ!

Развѣ все это не замѣчательно! „Заграницею, вполнѣ самостоятельно и своеобразно, сложилось у Тютчева то русское міросозерцаніе, которое одновременно выработалось и проповѣдывалось въ сердце Россіи — въ Москвѣ—Хомяковымъ и его друзьями".

Случилось такъ, что кн. Ивану Гагарину, который жилъ въ Мюнхенѣ одновременно съ Тютчевымъ, довелось быть въ Москвѣ на одномъ изъ вечеровъ, на которомъ „происходили жаркія препирательства между Западомъ и Востокомъ". — „Кажется, я слышу Тютчева! Несчастный, какъ онъ влѣпится во все это!" воскликнулъ кн. Гагаринъ, выслушавъ мысли Хомякова.

Тютчевъ особенно негодовалъ на невѣжественное пренебреженіе къ правамъ и интересамъ русской народности, которое замѣчалось среди нашихъ образованныхъ сферъ.

Напрасный трудъ! Нѣтъ, ихъ не вразумишь!
Чѣмъ либеральнѣй, тѣмъ они пошлѣе!
Цивилизація — для нихъ фетишъ,
Но недоступна имъ ея идея.
Какъ передъ ней не гнитесь, господа,
Вамъ не снискать признанья отъ Европы:
Въ ея глазахъ вы будете всегда
Не слуги просвѣщенья, а холопы!

Итакъ, русскій даровитый юноша, нетронутый никакими литературными теченіями, попавъ на Западъ, вернулся въ Россію славянофиломъ.

Имѣется также примѣръ почти обратный первому. Коренной и убѣжденный западникъ, очутившійся „въ странѣ святыхъ чудесъ", преклонился передъ .русскимъ Востокомъ и проникся славянофильскими симпатіями.

II.

Александръ Ивановичъ Герценъ [1]) западникъ, и вмѣстѣ съ Чаадаевымъ, Грановскимъ, Бѣлинскимъ и др. являлся не только однимъ изъ вліятельнѣйшихъ столповъ всего нашего западничества, но даже „самою крупною звѣздою въ первоначальной ихъ плеядѣ". „Герценъ,—писалъ Н. Страховъ,—былъ не просто западникъ, т. е. не просто поклонникъ и подражатель Запада; это былъ западный человѣкъ, который слился всею душою съ западной жизнью;" „онъ прямо примкнулъ къ самымъ живымъ струямъ тогдашней жизни Европы, къ ея философическому и общественному движенію"... Онъ усвоилъ себѣ всю мудрость Европы.

---

[1]) При составленіи настоящаго очерка, мы пользовались слѣд. сочиненіями: 1) Н. Страховъ—„Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ"; 2) „Воспоминанія и критическіе очерки"—П. В. Анненкова (т. III, изд. 1881 г.); 3) „Изъ дальнихъ лѣтъ".—Воспоминанія Т. П. Пассекъ; 4) В. Д. Смирновъ—„А. И. Герценъ. Его жизнь и литературная дѣятельность"; 5) Письма И. С. Тургенева и А. И. Герцена къ А. А. Краевскому; Спб. 1893; 6) „Наблюдатель" 1900 (февр., мартъ и апр.). Изъ воспоминаній А. П. Пятковскаго; 7) Волынскій.—„Борьба за идеализмъ". Спб. 1900 г.; 8) Переписка Ю. Ѳ. Самарина съ А. И. Герценомъ въ 1864 г.—„Русь" изд. Аксакова 1883 г. №№ 1 и 2; 9) Воспоминанія Н. А. Тучковой-Огаревой. Русская Старина 1894 г.; 10) Н Ренненкампфъ—Невольное объясненіе съ издателемъ „Колокола", „Русскій Вѣстникъ", т. LXXIX; 11) А. И. Герценъ и „молодое поколѣніе"—Н. Бѣлозерскій въ „Вѣстн. Всемірн. Исторіи" 1901, № 2; 12) Герценъ и Тургеневъ—въ „Вѣстн. Всемірн. Ист. 1901 г.; 13) Бѣлозерскій, Н.—Славянофилы, западники и Герценъ" „Вѣстн. Европы" 1898, ноябрь; 14) Новыя воспоминанія о Герценѣ.—„Русская Мысль" 1900, VII; 15) А. Милюковъ—„Знакомство съ А. Г. Герценомъ". „Русскій Вѣстникъ" 1888, XII; 16) В. Бѣлинскій—критическій очеркъ о романѣ „Кто виноватъ?". Отдѣльный оттискъ, изд. въ 1900 г.; 17) А. И. Герценъ—Статья Погодина. „Заря" 1870, II; 8) В. Богучарскій—„А. В. Герценъ". „Научное Обозрѣніе" 1900, авг. и сент.; 19) Скабичевскій—Полное собраніе соч.; 20) Ч. Вѣтринскій „Въ сороковыхъ годахъ" М. 1899; 21) А. М—скій. „Герценъ и его корреспондеиты"—„Русскій Вѣстн. 1889 г.; 22) П. Морозовъ—„А. И. Герценъ" „Образованіе", 1900, №№ 7—9; 23) Н. М. Павловъ—„Полемика Каткова съ Герценомъ". „Русское Обозрѣніе"—1895, май; 24) П. В. Анненковъ и его друзья. Спб. 1892 г.; 25) С. Левитскій—Православіе и народность. М. 1889 („Отчаявшійся западникъ") 26) Искандеръ Герценъ. Берлинъ 1859 г.; 27) Изъ воспоминаемой старой идеалистки объ А. И. Герценѣ. Вѣстн. Евр. 1900, ноябрь; 28) Рус. Архивъ 1874, кн. 2—Изъ бумагъ—кн. В. Ѳ. Одоевскаго. И др.

Живя въ Москвѣ, онъ горячо схватывался со славянофилами и въ первый періодъ своей литературной дѣятельности клеймилъ самымъ безпощаднымъ образомъ и въ статьяхъ, и въ частныхъ письмахъ этотъ „журнальный приходъ“ своихъ противниковъ. Цѣлый каскадъ эпитетовъ и прозвищъ былъ пущенъ въ ходъ, съ цѣлью унизить „славянъ“ въ глазахъ общества и выразить имъ свое нерасположеніе! Онъ назвалъ все славянофильское направленіе „безумнымъ“, становящимся „костью въ теченіе образованія“; именовалъ его — „правительственнымъ“, „проказой“ и т. п.; въ славянофилахъ онъ видѣлъ „помощниковъ жандармовъ“; говорилъ, что, будь у нихъ власть, они жарили-бы людей на „Лобномъ мѣстѣ“. Въ другихъ случаяхъ Герценъ хлопоталъ о томъ, чтобы держать „славянобѣсіе“ въ извѣстныхъ предѣлахъ; утверждалъ, что „не статьи объ нихъ (Языковѣ и Хомяковѣ) надобно, а колья остроты“... „Вообще,—писалъ онъ А. А. Краевскому,—кажется славянобѣсіе доходитъ до права кровати въ домѣ „умалишенныхъ“... „Партія рубаха сверхъ партокъ“ пріумолкла. Шевыревъ выжилъ изъ ума, а Погодинъ изъ тѣла“ (см. Барсукова о Погодинѣ, VI, 238; VII 116, 395 и 396, 438, 441 и письма къ Краевскому отъ 24 дек. 1844 г., 19 янв. 1845, 27 ноября 1845 г. и др.). Нечего и говорить о томъ, что въ этомъ лексиконѣ не забыты были мурмолки, охабни, сарафаны и пр. К. Аксакова, котораго искренно любилъ и глубоко уважалъ, онъ находилъ одностороннимъ. О всей славянской партіи онъ сказалъ (въ 1845 г.): „Съ каждымъ днемъ грузится она въ односторонность жалкую, ненавидящую и готовую преслѣдовать“. („Вѣсти Всемірн. Истор.“, 1901, IV, 83—85). „Археологическое воскресеніе“ Руси, по мнѣнію Герцена, ни къ чему не приведетъ, такъ какъ нѣтъ въ Россіи цивилизаціи и культуры, кромѣ западноевропейской. „Ошибка славянъ,—писалъ Герценъ,—состояла въ томъ, что имъ кажется, *будто Россія имѣла когда-то свойственное ей развитіе*... Россія никогда не имѣла этого развитія и не могла имѣть... Одна мощная мысль Запада, къ которой примыкаетъ вся исторія его, въ состояніи оплодотворить зародыши, дремлющіе въ патріархальномъ быту славянскомъ“ *)...

Таковы были нѣкоторыя руководящія положенія Герцена, въ

*) „Чтобы быть образованнымъ, значило быть наименѣе русскимъ“.

періодъ его пребыванія въ Россіи и спора съ славянской партіей. Таковъ прологъ довольно трагической его жизни. „Прощайте,— писалъ онъ въ 1845 г. Ю. Ѳ. Самарину.—Идите инымъ путемъ; мы не встрѣтимся, какъ попутчики,—это вѣрно".

Такъ ли? Оправдались ли эти слова?

Обстоятельства сложились такъ, что въ 1847 г. Герценъ попалъ, наконецъ, въ ту Европу, которую онъ боготворилъ и куда торопился болѣзненно-страстно. „Съ благоговѣйнымъ трепетомъ „пилигримъ сѣвера" миновалъ границу и „какъ влюбленный" стремился къ Парижу, желая видѣть „великій народъ и сѣдого Лафайета". Чтобы оффиціально порвать связи съ Россіей, онъ пріобрѣлъ себѣ права швейцарскаго гражданства. Началась новая жизнь, жизнь подвижная, кипучая, разнообразная. Умственное возбужденіе въ Европѣ было тогда очень сильное; событія смѣнялись со страшной быстротой. Герценъ вольной птицей переносился изъ одного города въ другой; онъ побывалъ и въ Римѣ и Ниццѣ, и въ Лондонѣ и Женевѣ; онъ познакомился со многими видными дѣятелями разныхъ странъ, онъ имѣлъ возможность изучить Западъ вдоль и поперекъ, вширь и вглубь.

Что же онъ увидѣлъ?

Что рыцарство замѣнилось бухгалтерской честностью, гордость—обидчивостію, вѣжливость—чопорностью, дворцы и замки—гостиницами, что Франція представляла при Людовикѣ-Филиппѣ торгово-промышленную компанію; что „Англія хитро хранила видъ силы"; что папа смиренно просилъ милости народной любви; что флагъ, поднятый на рынкѣ, сталъ хоругвію общества; что человѣкъ de facto сдѣлался принадлежностію собственности; что жизнь свелась къ борьбѣ за деньги; что все превратилось въ мѣняльныя лавочки и рынки; что „качка парламентскихъ преній" представлялась для многихъ серьезнымъ дѣламъ; что атмосфера европейской жизни была тяжела и даже невыносима; что всемогущество „великихъ принциповъ" великой революціи оказалось пуфомъ; что люди Запада оказались ниже раздутаго о нихъ представленія; что Европа совершенно неосновательно гордится и „величаво завертывается въ мантію пренебрегающаго незнанія" Руси; что для полной жизни человѣку нужно еще что-то, помимо политическихъ правъ, вѣротерпимости, дешевыхъ газетъ, хорошихъ путей сообщенія; что „представительная система въ ея

конституціонномъ развитіи всего лучше идетъ, когда нѣтъ ничего яснаго въ головѣ, или ничего возможнаго на дѣлѣ"; что судьба міра не можетъ надолго остаться въ рукахъ нѣмцевъ и Гогенцолерновъ, такъ какъ это противно человѣческому смыслу, противно исторической эстетикѣ... Такимъ образомъ, высокомѣрный Западъ былъ развѣнчанъ Герценомъ! Герценъ во-очію убѣдился, что мы знали Европу только школьно, литературно, Европу парадно-показную; онъ убѣдился, что соціализмъ держится риторическою декораціей, противорѣчіемъ существующему и что онъ есть болѣзнь Европы, а не начало новой жизни. Герценъ обратился къ Западу за мудростію и за нравственными идеалами и, послѣ долгихъ и усердныхъ исканій, понялъ, что Западъ ничего прочнаго дать ему не въ состояніи. Короче—Герценъ разочаровался, разочаровался на всю жизнь въ странахъ, которыя въ его глазахъ были увѣнчаны исторіей, наукой, поэзіей...

Герценъ отрекся отъ Европы. Ему пришлось перетряхнуть не только „церковныя ризницы и докторскія мантіи", но и „революціонныя знамена".

Какъ ни тяжело было разстаться съ давно взлелѣянными мечтами, какъ ни больно было казнить прежнія вѣрованія и мысли, но онъ послѣдовательно продѣлалъ это въ своей „логической исповѣди"—„Съ того берега"; никто изъ русскихъ съ такой силой не отрекался отъ Европы, какъ Герценъ.

Волна Запада не понесла его, какъ обезсилѣвшаго пловца и не захлестнула его. Онъ понялъ ошибки собственнаго чрезмѣрнаго увлеченія и всенародно покаралъ часть своихъ прежнихъ предразсудковъ. „Я утратилъ вѣру въ слова, знамена, въ канонизированное человѣчество и единую спасающую церковь западной цивилизаціи"...

Но вѣдь это полная гибель человѣка? Вѣра утеряна, родина брошена, связь съ прошлымъ порвана. Что же осталось? Но,— да позволено будетъ такъ выразиться, — въ душѣ человѣческой обителей много... „Въ груди моей,—писалъ Герценъ въ 1851 г.— возвратилась юная вѣра тридцатыхъ годовъ, и я съ упованіемъ и любовью обернулся назадъ". „Начавши съ крика радости при переѣздѣ черезъ границу, я окончилъ моимъ духовнымъ возвращеніемъ на родину". „Вѣра въ Россію спасла меня на краю нравственной гибели"; „за эту вѣру въ нее, за это исцѣленіе

ею благодарю мою родину. Увидимся ли, нѣтъ ли—но чувство любви къ ней проводитъ меня до могилы“ (1858 г.).

Что же теперь отыскалъ Герценъ въ Россіи, заслуживающаго вниманія? Въ чемъ онъ узрѣлъ преимущества своей родины передъ Европой? Отвѣты Герцена въ данномъ случаѣ высокаго интереса и достойны быть отмѣченными по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, Герценъ былъ глубокій умъ, а по Погодину—даже необыкновенный талантъ. Онъ произнесъ совершенно независимое сужденіе и это тогда, когда имъ была пройдена большая школа жизни, имѣлся значительный опытъ, когда онъ былъ въ зрѣломъ возрастѣ и когда міровоззрѣніе его получило уже окончательную отдѣлку. Сужденія (какъ и весь вообще споръ „европейцевъ“ со „славянами“) касались самыхъ жизненныхъ вопросовъ: „догматовъ для нравственности и вѣрованій общества и политической программы для будущаго его развитія“. Кромѣ того, въ настоящее время никто не будетъ оспаривать, что Герценъ *«большой человѣкъ въ нашей литературѣ»*, какъ выразился Бѣлинскій, и что Герценъ отличался рѣдкой правдивостью, являвшеюся основной чертой его характера („Вѣстн. Европы“, 1900, ноябрь, 101, воспоминанія Мейзенбургъ).

Наконецъ, какъ сейчасъ увидимъ, коренной западникъ самымъ убѣжденнымъ образомъ сталъ высказывать чисто-славянофильскія положенія, которыя ранѣе служили предметомъ его ожесточенныхъ нападокъ. Развѣ все это не знаменательно?

Прежде всего Герценъ заявилъ, что „Европа одряхлѣла, что она изжила всѣ свои силы“; что существующія государственныя ея формы не совмѣстны по внутреннему своему понятію ни свободѣ, ни равенству, ни братству. Мало того, онъ сталъ подчеркивать преимущества Россіи передъ Западомъ въ дѣлѣ соціальнаго обновленія.—По тѣмъ временамъ, для того, чтобы высказать подобныя мысли, западнику нужно было обладать не только значительнымъ гражданскимъ мужествомъ, а „суворовской храбростью“. Вѣдь Герценъ подписался подъ формулой о „гніеніи Запада“, которая навлекла на славянофиловъ громы всѣхъ печатныхъ органовъ ихъ литературныхъ противниковъ!

Эти положенія Герценъ высказалъ „со скиѳскою горячностью“ и повторялъ ихъ многократно, дабы они пріобрѣли „права гражданства“. „Корабль идетъ ко дну“... „Видимая, старая,

оффиціальная Европа не спитъ—она умираетъ“... Дѣла ея идутъ своимъ чередомъ: судьи судятъ, церкви открыты, биржи кипятъ дѣятельностію, войска маневрируютъ, но „духъ жизни отлетѣлъ“... „Европа приближается къ страшному катаклизму“... Европа „совершила великія дѣла, но не исполнила своей задачи“. Она „разрушила вѣру въ престолъ и алтарь, но не осуществила свободы“... Всѣ прежніе идеалы потухли вплоть до фригійской шапки“. Если Европа обновляется, то надо помнить, что „процессъ обновленія неразрывно идетъ съ процессомъ гніенія и который возьметъ верхъ неизвѣстно“.

Мѣщанство—окончательная форма западной цивилизаціи, послѣднее ея слово, ея совершеннолѣтіе, эпопея роста, романъ юности. На это „нерѣчистое мѣщанство, на эту томпаковую посредственность“ Герценъ обрушился всею силою своего острословія. „Съ мѣщанствомъ,—говорилъ онъ,—стираются личности... стирается красота природы, теряется индивидуальность, „какъ брызги водопада“. Въ мѣщанствѣ съуживается умъ, мельчаетъ жизнь, исключаются общечеловѣческіе интересы. Для мѣщанства „фотографія,—эта шарманка живописи,—замѣняетъ артиста... Для цвѣтовъ гряды мѣщанства „слишкомъ унавожены, для его грядъ цвѣты слишкомъ безполезны; если онъ иногда раститъ ихъ, то это для продажи“. „Ясно, что кормчій этого міра будетъ купецъ и что онъ поставитъ на всѣхъ его проявленіяхъ свою торговую марку“... Вся торговля основана на количествѣ и дешевизнѣ, а не на качествѣ. Герценъ находилъ, что „политическая экономія садилась на первыя ступени вмѣстѣ съ Орлеанской династіей... Всюду онъ видѣлъ самодержавную толпу сплоченной непосредственности, толпу безъ невѣжества, но и безъ образованія. Ст. Милль съ отчаяніемъ смотрѣлъ,—прибавляетъ Герценъ,—„на подавляющія массы какой-то паюсной икры, сжатой изъ миріадовъ мѣщанской мелкоты“ *)...

Этимъ далеко не ограничилось отступничество Герцена отъ прежняго своего credo.

Въ 1844 г., когда появилась книга Прудона (De la création de l'ordre dans l'humanité), Герценъ находилъ, что самая

*) Герценъ возмущался городскимъ однообразіемъ, которое водворяло мѣщанство. Въ Парижѣ, напр., онъ искалъ себѣ человѣческаго жилья, un chez soi, „а не нумера, не людского стойла“, какъ онъ выразился.

лучшая часть ея, „это доказательство невозможности религіи въ грядущемъ“ (Барсуковъ VII, 454). Впослѣдствіи онъ разсуждалъ уже иначе. „Я не отрицаю ни величія, *ни пользы вѣры;* это великое начало движенія, развитія, страсти въ исторіи... Объясните мнѣ, пожалуйста, отчего вѣрить въ Бога смѣшно, а вѣрить въ человѣчество не смѣшно? Вѣрить въ царство небесное глупо, а вѣрить въ земныя утопіи умно?.. Церковь, вмѣстѣ съ государствомъ, семьей и собственностію, онъ признавалъ огромными воспитательными формами человѣческаго освобожденія и развитія. („Наблюдатель“ 1900, мартъ, 242).

„Потерявъ религію, Герценъ, — по словамъ Страхова,—постарался очистить свой умъ отъ всякаго религіознаго предубѣжденія. Для него стали равны всѣ религіи, и что же вышло? Смотря на нихъ объективно, онъ отдалъ предпочтеніе православію. „Я считаю за великое счастье для русскаго народа, столь впечатлительнаго и кроткаго по характеру,—писалъ Герценъ,— что онъ не былъ испорченъ католицизмомъ. Вмѣстѣ съ католицизмомъ его миновало и другое зло. Католицизмъ, подобно нѣкоторымъ злокачественнымъ болѣзнямъ, можетъ быть излеченъ лишь ядами; онъ ведетъ за собою протестантизмъ, который освобождаетъ умы съ одной стороны, съ тѣмъ, чтобы съ другой снова ихъ поработить. Наконецъ, такъ какъ Россія не входила въ великое западное церковное единство, то она и теперь не принуждена дѣлить судьбы Европы“. Такъ судилъ вольнодумецъ,— прибавляетъ Страховъ,—для котораго всѣ религіи суть уклоненія человѣческаго ума отъ прямого пути, но изъ этихъ уклоненій наименьшимъ онъ находилъ православіе.

„И можемъ ли мы по совѣсти довольствоваться вашею (западною) изношенною нравственностію, нехристіанскою и нечеловѣческою, существующею только въ реторическихъ упражненіяхъ?— спрашиваетъ Герценъ. Какое уваженіе можетъ внушать намъ римско-варварская законность, это глухое, неуклюжее зданіе безъ свѣта и воздуха“?.. ...„Я сомнѣваюсь въ будущности латинскихъ народовъ, сомнѣваюсь въ ихъ будущей плодотворности“...

Въ сочиненіяхъ Герцена имѣется еще заявленіе, что „Россія никогда не будетъ протестантскою“.

Герценъ самъ говорилъ, что отъ И. В. Кирѣевскаго, а слѣдов. и отъ остальныхъ славянофиловъ, его отдѣляла „цер-

ковная стѣна". Въ шестидесятыхъ годахъ, когда Герценъ жилъ въ Лондонѣ, онъ уже (по свидѣтельству Л. Н. Майкова) не позволялъ себѣ глумиться надъ тѣмъ, что составляетъ „святыню для милліоновъ", чтобы не оскорбить самыхъ высокихъ чувствъ народа. Извѣстно также, что Герценъ съ умиленіемъ передавалъ извѣстный разсказъ И. Кирѣевскаго о посѣщеніи имъ часовни и мысли и чувства послѣдняго, возникшія при видѣ святыхъ чертъ лика Божьей Матери на иконѣ и колѣнопреклоненныхъ женъ и стариковъ, молившихся передъ этимъ образомъ. Трогательнымъ является, наконецъ, описаніе Герценомъ похоронъ его друга Вадима Пассека. Архимандритъ (Симонова монастыря въ Москвѣ) позвалъ вдову въ церковь помолиться, послѣ того, какъ гробъ былъ опущенъ въ могилу. „Довольно, это не наше,—сказалъ архимандритъ Мелхиседекъ,—въ церковь за мной, молиться Богу". И мы вошли въ церковь уже безъ покойника: уже онъ сталъ совершенно прошедшее. Вотъ гдѣ крѣпость религіи. Въ эти минуты человѣкъ готовъ все сдѣлать, чтобы найти выходъ и примиреніе. Религія врачуетъ все. Когда мыслитель, гражданинъ говорятъ о подчиненіи индивидуальнаго всеобщему, на нихъ смотрятъ, какъ на людей безъ сердца; когда художникъ или ученый скажетъ, что звукъ его лиры, его кисть утѣшительница въ его горести — назовутъ эгоистомъ. А когда религія рѣзко говоритъ: оставь, это мое, идемъ молиться, покайся безропотно, тогда все покоряется и склоняетъ колѣни, безъ разсужденій, повинуясь слѣпо". (Н. Барсуковъ, 14 апр. 1901 г.).

Итакъ, великія блага религіи признаны Герценомъ и имъ же по достоинству оцѣнено исповѣданіе православія русскимъ народомъ.

Замѣтивъ, что на Западѣ религію пытались замѣнить наукой и при помощи послѣдней надѣялись превозмочь все и едва ли не пересоздать человѣка, Герценъ написалъ: „Наука не имѣетъ такихъ торжественныхъ пропилей, какъ религія. Путь достиженія въ наукѣ идетъ повидимому безплодною степью... Потери видны—пріобрѣтеній нѣтъ: подымаешься въ какую-то изрѣженную среду, въ какой-то міръ безплодныхъ абстракцій... Съ каждымъ шагомъ уносишься болѣе и болѣе въ это воздушное море: становится страшно-просторно, тяжело дышать и безотрадно; берега отдаляются, исчезаютъ—съ ними всѣ образы, навѣянные мечтами,

съ которыми сжилось сердце; ужасъ объемлетъ душу: Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!.. Змѣя мечетъ банкъ; игра, холодно начинающаяся съ логическихъ общихъ мѣстъ, быстро развертывается въ отчаянное состязаніе; всѣ заповѣдныя мечты, святыя, нѣжныя упованія, Олимпъ и адъ, надежда на будущее, довѣріе къ настоящему, благословеніе прошедшему все послѣдовательно является на картѣ, и она, медленно вскрытая, безъ улыбки, безъ ироніи и участія, повторяетъ холодными устами: „убита“.

Не обошелъ онъ и коренного вопроса о *прогрессѣ*, какъ мысли о подчиненіи личности общимъ цѣлямъ человѣчества. „Если прогрессъ—цѣль, то для кого мы работаемъ?—спрашиваетъ Герценъ. Съ этимъ вопросомъ поклонникамъ Запада также необходимо серьезно посчитаться.

Посмотримъ теперь, какъ отнесся Герценъ къ другимъ началамъ, начертаннымъ на знамени славянофильства, т.-е. къ народности и самодержавію? Въ его сочиненіяхъ имѣются по означенному вопросу достаточно опредѣленные отвѣты.

„Мнѣ кажется,—читаемъ у Герцена,—что есть нѣчто въ русской жизни, что выше общины и сильнѣе государственнаго могущества; это нѣчто трудно уловить словами, а еще труднѣе указать пальцемъ. Я говорю о той внутренней, не вполнѣ сознательной силѣ, которая столь чудесно сохранила русскій народъ подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкой бюрократіи, подъ восточнымъ татарскимъ кнутомъ и подъ западными капральскими палками; (я говорю) о той внутренней силѣ, которая сохранила прекрасныя и открытыя черты и живой умъ русскаго крестьянина подъ унизительнымъ гнетомъ крѣпостного состоянія, которая на царскій приказъ образоваться отвѣтила черезъ сто лѣтъ колоссальнымъ явленіемъ Пушкина; (я говорю) о той силѣ и вѣрѣ въ себя, которая жива въ нашей груди. Эта сила ненарушимо сберегла русскій народъ, его непоколебимую вѣру въ себя, сберегла внѣ всякихъ формъ и противъ всякихъ формъ для чего, покажетъ время“...

„Я нахожу въ нашей русской душѣ, въ нашемъ характерѣ, что-то болѣе широкое, нежели въ западныхъ европейцахъ“ (писалъ Герценъ въ 1851 г.).

Уваженіе къ русскому народу сказалось въ немъ уже въ Москвѣ, въ то время, когда Бѣлинскій пренебрежительно отнесся

къ мужицкому быту, назвавъ его „лопатной и сермяжной дѣйствительностью“. Герценъ настаивалъ, чтобы Бѣлинскій съ большимъ вниманіемъ относился „къ народу“.

Ясно, слѣдовательно, что онъ находилъ необходимымъ сохранить лучшія черты психологическаго склада нашего крестьянина.

„Надо,—говорилъ тотъ же Герценъ,—принять въ Россіи то, *что признано народнымъ смысломъ* и освящено вѣковымъ обычаемъ“. „Участвовать въ ростѣ и судьбахъ (русскаго) народа, великое дѣло“, признавался Герценъ. Можно отмѣтить еще, что Герценъ сходился во взглядахъ со славянофилами на *общину*, такъ какъ признавалъ ее здоровымъ ядромъ и прочнымъ основаніемъ для будущаго развитія *).

Словомъ, много хорошаго отыскалось въ народѣ, но все находилось „въ залежи, отдыхало и ожидало плуга“ (Мелыгуновъ).

Герценъ принадлежалъ къ числу тѣхъ россіянъ, которые страдали „тоской по революціи“ или „революціонною чесоткою“; но Западъ излечилъ его и скоро для него стали „равны всѣ образы правленія, всевозможныя государственныя и политическія формы. „Бывало,—писалъ онъ, — при одномъ словѣ республика билось сердце (печать съ надписью „République française“ повергала его въ умиленіе); а теперь, послѣ 1848, 1850 и 1851 гг. слово это возбуждаетъ столько же надеждъ, сколько сомнѣній. Развѣ мы не видали, что республика съ правительственной иниціативой, съ деспотической централизаціей, съ огромнымъ войскомъ, гораздо меньше способствуетъ свободному развитію, чѣмъ англійская монархія безъ иниціативы, безъ централизаціи? Развѣ мы не видали, что французская демократія, т.-е. равенство въ рабствѣ,—самая близкая форма къ безграничному самовластію“?.. „Теперь я бѣшусь отъ несправедливости узколобыхъ публицистовъ, которые умѣютъ видѣть деспотизмъ только подъ 59-мъ градусомъ сѣверной широты“... „Идеалъ нашего царя чрезвычайно высокъ“; и Герценъ,—по словамъ Страхова,—какъ бы съ гордостью указывалъ народамъ Запада, что нашъ царь не есть

*) Бѣлинскій въ спорѣ о народности кончилъ почти полнымъ соглашеніемъ со славянофилами, такъ какъ призналъ: „Что личность въ отношеніи къ идеѣ человѣка, то—народность въ отношеніи къ идеѣ человѣчества“. Тутъ, вѣроятно, сказалось вліяніе Герцена (Вѣстн. Евр.“ 1875, май, 128).

царь-представитель, царь-судья, царь-полицейскій. Въ народномъ идеалѣ онъ стоитъ гораздо выше всего этого".

Такимъ образомъ, у Герцена множились точки соприкосновенія со славянофилами по самымъ существеннымъ вопросамъ, рождавшимъ прежде безконечные споры въ гостиныхъ и пререканія въ печати, и все это при совершенно изолированномъ положеніи Герцена за-границей.

За-границей же Герценъ сталъ внимателенъ къ славянскому движенію. Славянство занимало, правда, болѣе мѣста въ географіи, чѣмъ въ исторіи, но все-таки это былъ цѣльный міръ, стремленія котораго стали уже формулироваться и сила чувствоваться... Въ № 84 „Колокола" (1 ноября 1860 г.) Герценъ, въ „Посланіи къ сербамъ", предлагалъ имъ и черногорцамъ воспользоваться его журналомъ для того. чтобы „перекинуться" съ Россіей. — „Колоколъ",—писалъ Герценъ,—слишкомъ слабъ, чтобы служить мостомъ для легіоновъ; но онъ можетъ служить доской, брошенной черезъ оврагъ, на которой могутъ встрѣтиться два брата, потолковать о своихъ дѣлахъ и пожать другъ другу руки" („Вѣстн. Всемірн. Ист.", 1901, III, 144—145).

Что касается отношенія къ Петру I, то Герценъ раздѣлялъ лишь воззрѣніе славянофиловъ относительно порчи великимъ преобразователемъ московскаго періода нашей исторіи, въ остальномъ же онъ преклонялся передъ геніемъ этого царя, хотя не безъ оговорокъ. Такъ, напр., по свидѣтельству А. П. Пятковскаго („Наблюдатель" 1900, мартъ, 239—240), Герцену принадлежитъ мысль о томъ, что „Петръ I и французскій конвентъ научили насъ шагать семимильными сапогами, шагать изъ перваго мѣсяца беременности въ девятый, и ломать безъ разбора все, что попадается на дорогѣ, спотыкаясь на разбитыя сокровища, вмѣстѣ со всякимъ мусоромъ и хламомъ".

Кромѣ указаннаго, въ сочиненіяхъ Герцена имѣется прямое одобреніе нѣкоторыхъ славянофильскихъ заключеній. Напр., о взглядахъ Петра Кирѣевскаго онъ писалъ, что въ нихъ „была доля тѣхъ горькихъ, подавляющихъ истинъ объ общественномъ состояніи Запада, до которыхъ мы дошли послѣ бурь 1848 г. Онъ понялъ ихъ печальнымъ ясновидѣніемъ".

Давно ли еще Герценъ писалъ: „Имѣется только западноевропейская цивилизація; у Россіи нѣтъ свойственнаго ей раз-

витія; русское можетъ быть оплодотворено только западнымъ и т. п. Теперь у него не только закралось сомнѣніе, но укрѣпилось уже иное воззрѣніе. „Должна ли Россія пойти всѣми фазами европейскаго развитія, или ея жизнь пойдетъ по инымъ законамъ? Я совершенно отрицаю необходимость этихъ повтореній“,—читаемъ у Герцена. Въ воспоминаніяхъ Н. А. Тучковой-Огаревой также имѣется указаніе на то, что Герценъ пророчилъ Россіи самостоятельный новый путь („Рус. Стар.“ 1894, окт., 14).

Многіе усматривали, что исторически выработанный бытъ „европейскихъ бель-этажей одинъ соотвѣтствуетъ эстетическимъ потребностямъ развитія человѣка“. Герценъ этого не раздѣлялъ.

Въ другой разъ онъ высказался еще опредѣленнѣе. „Всѣ серьезные люди убѣдились, что недостаточно идти на буксирѣ Европы, что въ Россіи есть нѣчто свое, особенное, что необходимо понять и изучить въ исторіи и въ настоящемъ положеніи дѣлъ“... „Россія является послѣднимъ народомъ, полнымъ юношескихъ стремленій къ жизни въ то время, когда другіе ищутъ покоя“... „Намъ кажется, что пройдя западной дрессировкой, подкованные ею, мы можемъ стать на свои ноги, и вмѣсто того, чтобы твердить чужіе зады и примѣривать стоптанные сапоги, намъ слѣдуетъ подумать, нѣтъ ли въ *народномъ быту*, въ народномъ характерѣ нашемъ, въ нашей мысли, въ нашемъ художествѣ чего-нибудь такого, что можетъ имѣть притязаніе на общественное устройство несравненно выше западнаго“. Это „нѣчто“ оказалось налицо...

За-границей патріотизмъ Герцена проявлялся еще въ энергичной защитѣ Россіи. Карлъ XII попытался вмѣшаться въ дѣла Россіи и,—поучаетъ Герценъ,—его до тѣхъ поръ непобѣдимый мечъ сломался; Фридрихъ II захотѣлъ воспротивиться петербургскому двору и Кенигсбергъ съ Берлиномъ сдѣлались добычею сѣвернаго врага; Наполеонъ проникъ съ полумилліоннымъ войскомъ въ самое сердце исполина и уѣхалъ украдкою, въ первыхъ попавшихся пошевняхъ... Отстаивалъ Герценъ также и русскій народъ противъ всѣхъ ходячихъ обвиненій, выставивъ передъ Европой его хорошія стороны и человѣческую его душу, которую немногіе умѣли отыскать подъ грубымъ крестьянскимъ армякомъ.

Герценъ признавалъ нашу цивилизацію показной, но въ то же время пояснялъ людямъ Запада, что виною тому стремленіе германизировать насъ, а также космополитизмъ нашихъ баръ, наше идолопоклонство передъ Европой и пр. Полтора вѣка насъ „стригли въ нѣмца", полтора вѣка мы отрекались отъ всего склада народной жизни, увѣряя „весь свѣтъ" въ нашей порочности, какъ англичане его увѣряли въ своихъ семейныхъ добродѣтеляхъ. Дворяне же, прожигая жизнь въ столицахъ Запада успѣли „положить тамъ болѣе крестьянскихъ душъ, чѣмъ ихъ легло подъ Бородинымъ".

Итакъ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ представителей западничества сталъ проповѣдывать паденіе и вымираніе Европы, отсутствіе у нея идеаловъ, невѣрное пониманіе ею истинной свободы и пр.! Онъ же увѣровалъ, что у Россіи имѣется свое предназначеніе, что она пойдетъ своимъ путемъ и скажетъ міру свое слово. Логической необходимостью онъ пришелъ къ *вѣрѣ въ религію* и къ *вѣрѣ въ Россію*.

Съ Герценомъ въ нѣкоторомъ родѣ повторилась исторія „блуднаго сына": возросши тѣломъ и укрѣпившись духомъ, онъ удалился въ „страну далеча" (С. Левитскій), но кончилъ духовнымъ возвращеніемъ на родину...

О крутомъ поворотѣ, который произошелъ въ воззрѣніяхъ Герцена за-границей, въ нашей литературѣ имѣются свидѣтельства очевидцевъ. А. Милюковъ*) („Рус. Вѣстн." 1888, XII, стр. 51) навѣстилъ эмигранта въ Лондонѣ и удостовѣряетъ, что Герценъ съ горячимъ сочувствіемъ вспоминалъ многое изъ своего прошлаго. „О славянофильской партіи онъ отзывался уже не съ тою рѣзкостью, какой прежде отличались его нападки на людей этого направленія. Смѣясь надъ ихъ стремленіемъ возвратиться „къ допетровской лежанкѣ" и оттуда бесѣдовать съ народомъ, облачась въ охобень и мурмолку, онъ тѣмъ не менѣе отдавалъ справедливость патріотизму и талантливости Хомякова, Аксаковыхъ. Я замѣтилъ даже, что въ это время (1857 г.) Герценъ по нѣкоторымъ своимъ сужденіямъ приближался къ той партіи, которую прежде такъ безпощадно осмѣивалъ. Въ его взглядахъ на русскій народный характеръ, на общину и круговую поруку было много

*) Онъ былъ въ одно время редакторомъ „Сына Отечества", авторъ разныхъ очерковъ.

общаго съ славянофильскими журналами, а отзывы его объ европейскомъ обществѣ въ отношеніяхъ къ явленіямъ, возникшимъ послѣ событій 1848 и 1849 гг. невольно напоминали извѣстныя іереміады о гніющемъ Западѣ. Что касается вопроса объ освобожденіи крестьянъ, то во всѣхъ главныхъ основаніяхъ его онъ прямо примыкалъ къ славянофиламъ. Мнѣ думается,—прибавлялъ Милюковъ,—что впослѣдствіи онъ могъ бы согласиться и съ другими принципами этой партіи, за исключеніемъ развѣ ея религіозныхъ убѣжденій".

Другое воспоминаніе о Герценѣ находимъ въ „Наблюдателѣ" 1901 года (за февр.); оно принадлежитъ перу редактора-издателя сего журнала А. П. Пятковскому. „Всѣ дефекты сложившихся на Западѣ направленій, съ ихъ „гражданскими катехизисами, алтарями и реликвіями, Герценъ подвергалъ, — по словамъ Пятковскаго,—самому острому разъѣдающему анализу, начиная отъ фальшиваго парламентаризма... Потерявъ вѣру въ узкія политическія доктрины, въ революціонныя иллюзіи и соціалистическія утопіи Западной Европы, Герценъ съ особенною любовью обратилъ взоры на родную Россію и на славянскій міръ вообще, отъ которыхъ ожидалъ самостоятельнаго вклада въ сокровищницу общечеловѣческой цивилизаціи. Съ большимъ интересомъ онъ велъ разговоръ о національномъ пробужденіи онѣмечиваемыхъ австрійскихъ славянъ, объ ихъ попыткахъ воскресить угасающія историческія воспоминанія, объ усиленіи ихъ нравственныхъ связей съ Россіей... Любовь къ народу — поильцу и кормильцу русской земли—составляла коренную черту въ характерѣ Герцена... Какъ истинно-русскій человѣкъ, дорожившій проявленіями народнаго генія, онъ былъ поклонникомъ Петра В. и Пушкина, какъ лучшихъ выразителей духа своего народа... Герценъ никогда не позволялъ себѣ трактовать сплеча русскій народъ in plenum, выдавая его головой иноплеменникамъ. Помню, — говоритъ Пятковскій, —разсказанный имъ любопытный случай его столкновенія съ Тургеневымъ. Дѣло происходило въ Парижѣ. Герценъ собралъ у себя кружокъ иностранныхъ гостей и знакомыхъ, къ которымъ присоединился и Тургеневъ. Завязался политическій разговоръ и Ив. Серг., давая волю своему сарказму, не постѣснился отнестись презрительно къ русскому народу вообще, обѣщая ему хорошее будущее только подъ бдительной указкой

западно-европейской цивилизаціи и культуры. Герцена коробило... и когда иностранцы ушли, онъ обратился къ Тургеневу съ такими словами: „Послушай, Ив. Серг., неужели ты не могъ найти другого мѣста для своихъ оскорбительныхъ глумленій надъ русскимъ народомъ, какъ именно въ квартирѣ русскаго невольнаго эмигранта, который хотя и ушелъ отъ своего народа, но и здѣсь хочетъ дышать его грудью, жить его нервами? Какъ будутъ относиться ко мнѣ, прослушавъ твои діатрибы, даже и наиболѣе порядочные изъ иностранныхъ эмигрантовъ, отнюдь не думающіе отрекаться отъ своего народа? Надѣюсь, что послѣ этой сцены ты забудешь совсѣмъ и меня, и мою квартиру“...

Несомнѣнно, что за-границей окончательно укрѣпились и вполнѣ опредѣленно проявились нѣкоторыя славянофильскія симпатіи Герцена, но зачатіе ихъ можно видѣть уже въ 1841 г., когда онъ собирался написать диссертацію о „Петровскомъ періодѣ“. (Воспоминанія Анненкова, III, 174). Мысли, положенія и тезисы, которые должны были войти въ это сочиненіе (оставшееся ненаписаннымъ), глубоко залегли въ душѣ Герцена и отразились впослѣдствіи въ его исповѣди „Съ того берега“. Онъ находилъ, что со времени Петра В. мы стали выходить изъ національности въ чисто европейскую форму и сущность, что Русь стала очеловѣчиваться, и что съ сороковыхъ годовъ начался періодъ *органическаго*, субстанціальнаго развитія, который долженъ окончиться для Россіи положительною ролью европейски-національной державы. „Этою мыслью онъ уже въ 1841 г.,—говорилъ П. Анненковъ,—доставлялъ себѣ возможность сговориться съ партіей славянофиловъ и вступить въ особыя, оригинальныя отношенія къ ней, которыя дѣйствительно создалъ впослѣдствіи и которымъ не измѣнялъ уже до конца жизни“. Въ письмѣ (изъ Новгорода), относящемся къ тому же времени, онъ сообщалъ: „Въ Москвѣ я все время ратовалъ съ славянобѣсіемъ и несмотря на все, ей-Богу люди тамъ лучше, у нихъ есть интересы, изъ-за которыхъ они рады дни спорить“... Герценъ неоднократно говорилъ: „славянофила изъ меня также трудно сдѣлать, какъ и славянофоба“. Когда Бѣлинскій *), которому не нравилось сближеніе съ славянофильскимъ кружкомъ, повелъ рѣчь по поводу примиренія, то Гер-

*) Знаменитый критикъ не разъ опасался въ это время, что Герценъ впадетъ въ славянофильство (Пыпинъ, „Вѣстн. Евр.“ 1875, май)

ценъ заявилъ: „Я нахожу одно примиреніе—полнѣйшую вражду“... Вмѣсто диссертаціи о „Петровскомъ періодѣ“ появилась остроумная параллель между Москвой и Петербургомъ. Читая ее П. В. Анненкову, авторъ не могъ скрыть своего тайнаго благорасположенія къ Москвѣ, благорасположенія, отъ котораго онъ не освободился и въ періодъ заграничной эмиграціи (Воспоминанія П. Анненкова, III, 77). Однако, какъ ни метался Герценъ изъ стороны въ сторону, но кончилъ извѣстными намъ уже признаніями „Съ того берега“, а по словамъ П. В. Анненкова, этотъ западникъ, находясь за-границей сказалъ: „*Наша европейская, западническая партія тогда только получитъ мѣсто и значеніе общественной силы, когда овладѣетъ темами и вопросами, пущенными въ оборотъ славянофилами*“ („П. Анненковъ и его друзья“ стр. 89—90). Признаніе знаменательное и разъясняющее весьма многое въ разсматриваемомъ вопросѣ о видоизмѣненіи міросозерцанія Герцена *).

Къ этому признанію,—для полнаго выясненія дѣла,—необходимо прибавить и другое, вполнѣ однородное съ нимъ. „Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ,—писалъ въ своемъ „Колоколѣ“ 15 янв. 1861 г. Герценъ,—сдѣлали свое дѣло... Они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что хотѣли сдѣлать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петромъ, въ которой сидѣлъ Биронъ и колотилъ ямщика, чтобы тотъ скакалъ по нивамъ и давилъ людей, то они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей“.

Кореннымъ образомъ Герценъ разошелся не только со славянофилами, но почти со всѣмъ русскимъ обществомъ, по поль-

*) П. Анненковъ отмѣчаетъ, что за-границу съ семьей Герцена уѣхала нѣкая М. Ѳ. К., которая, какъ оказывается, служила живымъ напоминаніемъ о Москвѣ и о другой культурѣ. Въ домѣ Герцена ее всѣ уважали и любили. Она, по выраженію Анненкова, стояла передъ Герценомъ, какъ олицетворенная элегія съ горячими симпатіями къ прошлому. Герценъ и жена его скоро освоились съ западными требованіями и вполнѣ примѣнились къ условіямъ новой жизни, переодѣвшись и причесавшись по-парижскому (Воспоминанія Анненкова, III, 173—174). М. Ѳ. К., была той русской почвой, которую онъ унесъ съ собою въ чужіе края, и она—М. Ѳ. К.—очевидно, сыграла въ нѣкоторомъ родѣ роль Анны Родіоновны (няни А. С. Пушкина) и Хлопова (слуги Ѳ. Тютчева). Это хотя и маловажное само по себѣ обстоятельство, но все же и оно имѣло нѣкоторое значеніе въ исторіи перерожденія герценовскихъ воззрѣній, такъ какъ „жить безъ старыхъ связей съ Россіей становилось невыносимымъ сиротствомъ“ Анненковъ, III, 182).

скому вопросу. Искренно-ли, или для показа, по собственной иниціативѣ, или подъ вліяніемъ эмигрантовъ, но Герценъ всталъ на сторону Польши шестидесятыхъ годовъ и поплатился за это своей шумной извѣстностью; безмолвіе воцарилось вокругъ его имени, и изданіе „Le Kolokol“ пришлось прекратить. „Жернова остановились“, „Россія глуха“; „самочитательнаго печатанія“ онъ не желалъ, конечно, продолжать. „Колоколъ“ сталъ падать какъ кирпичъ, брошенный въ воду, „и умеръ, какъ Клейнмихель, никѣмъ не оплаканъ“,—какъ острилъ Герценъ въ письмахъ къ Огареву („Изъ дальнихъ лѣтъ“. Т. Пассекъ. Т. III, 156, 186, 208, 216). Заявленіе, очевидно, справедливое, такъ какъ оно вполнѣ совпадаетъ съ мнѣніемъ А. В. Никитенко. Въ январѣ 1864 г. разнесся слухъ о томъ, что Герценъ умеръ. „Умеръ-ли, живъ-ли онъ,—записалъ Никитенко въ своемъ Дневникѣ (II, 423),—теперь, на мой взглядъ, рѣшительно все равно для Россіи... Съ польскаго возстанія онъ такъ упалъ въ общественномъ мнѣніи, что о его существованіи можно почти и забыть“. Если бы не рѣзкій тонъ, радикализмъ и оскорбительныя выходки, Герценъ, по словамъ Никитенко, могъ бы оказать значительную пользу своимъ остроуміемъ и талантомъ. Кромѣ того, онъ, къ сожалѣнію, открыто взялъ на себя „роль не руководителя, а возбудителя“ (II, 111, 124, 228, 341, 423; III, 50). По прекращеніи „пропаганды“, Герценъ не хлопоталъ о возвращеніи въ Россію, а остался „умирать въ своей фортеціи“. Вмѣшательство Герцена въ польскія дѣла явились для него настолько роковымъ, что даже французъ П. Прудонъ „глубоко сожалѣлъ о томъ, что Герценъ поставилъ себя между русскими національными чувствами съ одной стороны и строптивою спѣсью поляковъ съ другой!“ Если-бы Герценъ пристальнѣе изучилъ ходъ развитія въ Россіи, то впослѣдствіи критика его стала-бы авторитетнѣе („Русь“, 1883, II, 32).

Для того, чтобы точнѣе опредѣлить отношеніе Герцена къ славянской партіи, полезно обратиться къ двумъ его статьямъ. «*Еще варіація на старую тему*», написанную въ 1857 г. и «*Концы и начала*», относящуюся къ 1863 г. Въ обѣихъ статьяхъ онъ высказался чрезвычайно опредѣленно и самъ разбирался въ своемъ спорѣ со славянофилами. Новыя мысли, сближавшія его съ прежними литературными противниками, были высказаны въ книгѣ „*Съ того берега*“, составленной въ 1848—1849 гг.

„Ничего лучшаго я не писалъ“, — говоритъ Герценъ въ предисловіи къ ней. Прошло еще восемь лѣтъ западно-европейской жизни, и онъ заявилъ, что ему „прибавлять нечего“ къ прежнему, такъ какъ время „грозно подтвердило“ его выводы. На голову изгнанника за книгу „Съ того берега“ посыпались упреки, во-первыхъ, въ томъ, что его воззрѣніе на Западъ потрясаетъ вѣрованія, столь необходимыя у насъ, а, во-вторыхъ, что его отношенія къ Россіи сближаютъ его со славянофилами..... .....„Я никогда не отрицалъ, что у партіи „славянъ“ есть вѣрное сознаніе *живой души* въ народѣ, есть *чаяніе будущаго вѣка*. но, по несчастію, долженъ повторить, что „чутье ихъ проницательнѣе разумѣнія и не только разумѣнія. но и совѣсти“. Но такъ какъ, по мнѣнію Герцена, отъ славянскихъ обозрѣній ихъ вѣяло насиліемъ, лицемѣрнымъ православіемъ и поддѣльной народностью и такъ какъ они *настоящей* Россіи не знаютъ, то онъ отрекался отъ сближенія съ ними. Въ то же время онъ признавалъ, что примѣромъ Запада ихъ вразумить нельзя, ибо этотъ Западъ угнетенъ болѣзнью. „Близкаго и хорошаго выхода“ для Запада Герценъ не предвидѣлъ. Поюнѣетъ-ли онъ, или погибнетъ, какъ Сенека, въ своей собственной крови—Герценъ также не зналъ. Во всякомъ случаѣ онъ не могъ себѣ представить возможности для Европы отдѣлаться отъ мѣщанства и обновить свой государственный строй безъ „страшной или кровавой борьбы“. Только въ Америкѣ и Россіи онъ видѣлъ силы для роста. Россія въ его глазахъ являлась „совсѣмъ особеннымъ міромъ, съ *своимъ* естественнымъ бытомъ, съ *своимъ* физіологическимъ характеромъ, — не европейскимъ, не азіатскимъ, а славянскимъ“. „Какое счастье, — сказалъ Бентамъ Александру I, — что русскому законодателю не приходится бороться на каждомъ шагу съ римскимъ правомъ“ (Герценъ прибавилъ къ этому: „ни съ феодолизмомъ, ни съ католицизмомъ, ни съ протестантизмомъ“). Герценъ указываетъ затѣмъ, что „силу и права Россіи на будущее“ не отрицали многіе сильные умы Европы, въ томъ числѣ Прудонъ и Маццини. „Въ естественной непосредственности нашего сельскаго быта, въ шаткихъ и неустоявшихся экономическихъ и юридическихъ понятіяхъ, въ смутномъ правѣ собственности, въ отсутствіи сильнаго мѣщанства и въ необычайной усвоимости чужого—мы имѣемъ шагъ передъ народами вполнѣ сложившимися и усталыми“. Гер-

ценъ чуялъ силу Россіи и бодрость ея мысли и потому не унывалъ. „Если-бы я не былъ русскій, я давнымъ-давно уѣхалъ-бы въ Америку“... „Я чую сердцемъ и умомъ, что исторія толкается именно въ наши ворота“... „Я вѣрю въ способность русскаго народа, я вижу по всходамъ, какой можетъ быть урожай“...

Герцена упрекали (очевидно, И. С. Тургеневъ) въ томъ, что онъ безъ оглядки взрѣзывалъ все дорогое для Запада, желая обнаружить его язвы, и самъ себѣ якобы сотворилъ кумира изъ бараньяго тулупа и тулупа общиннаго. Этимъ давалъ поводъ молодому русскому поколѣнію воображать, что у него есть будущность. А между тѣмъ приходилось вѣрить въ русскій народъ, который до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ, не проявилъ ни новизны, ни оригинальности въ своихъ общественныхъ формахъ. „Вашъ богъ въ грубомъ безобразіи не уступаетъ любому японскому кумиру, у котораго животъ въ три яруса, носъ расплюснутъ до скулъ и усы сардинскаго короля... Вы толкуете о весенней свѣжести, о благодатныхъ буряхъ, о многообѣщающихъ радугахъ и всходахъ... Напрасныя ожиданія. Русскіе по языку и по породѣ принадлежатъ къ европейской семьѣ, genus europeum, и слѣдовательно, по самымъ неизмѣннымъ законамъ физіологіи должны идти по той-же (европейской) дорожкѣ“.

На это Герценъ отвѣчалъ въ статьѣ „Концы и начала“. „Общій планъ развитія допускаетъ безконечное число варіацій непредвидѣнныхъ, какъ хоботъ слона, какъ горбъ верблюда... Общее происхожденіе нисколько не обусловливаетъ одинаковость біографій. Каинъ и Авель, Ромулъ и Ремъ были родные братья, а какія разныя карьеры сдѣлали... Все христіанство имѣетъ сходныя черты въ устройствѣ семьи и церкви и пр., но нельзя сказать, чтобы судьба англійскихъ протестантовъ была очень схожа съ судьбой абиссинскихъ христіанъ. Я не считаю мѣщанства окончательной формой русскаго устройства, того устройства, къ которому Россія стремится... Народъ русскій, принадлежащій какимъ-то двоюроднымъ братомъ въ общей семьѣ народовъ европейскихъ, не принималъ почти никакого участія въ семейной хроникѣ Запада... Но теперь пора стать на свои ноги, зачѣмъ-же на деревянныя, потому что онѣ иностранной работы? Зачѣмъ-же наряжаться въ блузу, когда есть своя рубашка съ косымъ воротомъ... Мандарины литературы, сенаторы журналистика, кафе-

дральные профессора проповѣдуютъ намъ, что ужъ такой неизмѣнный законъ физіологіи: принадлежишь къ genus europeum, такъ и продѣлывай всѣ старыя глупости на новый ладъ, что мы, какъ бараны, должны спотыкнуться на той-же рытвинѣ, упасть въ тотъ-же оврагъ и сѣсть потомъ вѣчнымъ лавочникомъ и продавать овощь другимъ баранамъ. Пропадай онъ совсѣмъ, этотъ физіологическій законъ! и отчего-же это Европа была счастливѣе, ее никто не заставлялъ da capo играть роль Греціи и Рима?

Будущее импровизируется на тему прошедшаго... Американцы развили свой особый характеръ, хотя происходятъ отъ англо-саксовъ... Почему-же народъ, самобытно развившійся, при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ западныя государства, съ иными началами въ бытѣ, долженъ пережить европейскіе зады и это, зная очень хорошо, къ чему они ведутъ?

Имѣйте въ виду, что все это писалъ не славянофилъ, а западникъ Герценъ (въ 1863 г.). Какъ все это напоминаетъ первыя схватки московскихъ кружковъ! Въ приведенныхъ выдержкахъ (изъ статьи „Концы и начала“) слышится рѣчь, которая тогда лилась изъ устъ Хомякова, К. Аксакова и ихъ присныхъ. Герценъ въ концѣ статьи даже негодуетъ, что эти возраженія дѣлались ему не иностранцами, а русскими.

Итакъ, мы убѣдились, что многіе параграфы герценовскаго политическаго катехизиса въ послѣднемъ его изданіи были совершенно тождественны съ положеніями славянофиловъ. Но тѣмъ не менѣе Герценъ упорно отрекался отъ близости съ славянской партіей и, поддерживая въ себѣ огонь прошлой вражды, никоимъ образомъ не желалъ, чтобы его имя было занесено въ одинъ списокъ съ именами представителей московскаго славянофильства. „Я съ ужасомъ и отвращеніемъ читалъ нѣкоторыя статьи славянскихъ обозрѣній,—отъ нихъ вѣетъ застѣнкомъ, рваными ноздрями, покаяніемъ... И будто я сблизился съ этими дикими по сочувствію, по выбору, по языку?.. Герценъ допускалъ въ своихъ статьяхъ только „созвучную струну“ съ московскими литературными старообрядцами, но не болѣе...

„Вы (любезный другъ) нашли созвучную струну въ моемъ направленіи и въ направленіи болѣе нежели ложномъ, вредномъ и опасномъ московскихъ литературныхъ старообрядцевъ“. Я „от-

ворачиваюсь отъ современной Европы и мало имѣю общаго съ жалкими наслѣдниками сильныхъ отцовъ".

Если онъ такъ энергично протестовалъ противъ зачисленія его въ славянскій станъ, то остается какъ будто одно предположеніе, что Герценъ, очевидно, желалъ сохранить званіе западника или европейца. Но такое заключеніе является также ошибочнымъ. По словамъ Герцена, „борьба съ славянофилами потеряла интересъ особенно послѣ смерти императора Николая Павловича. Пора бы подвести всѣ эти дрязги подъ манифестъ 26 августа 1856 г. и предать ихъ забвенію"...

Либераловъ Герценъ также пересталъ жаловать. „Надо правду сказать,—читаемъ въ его „Колоколѣ",—что либерализмъ нигдѣ не отличался глубокимъ знаніемъ народа, особенно сельскаго. Либерализмъ вообще явленіе переходное, развившееся въ городской цивилизаціи... Онъ всегда ограничивался отвлеченнымъ понятіемъ о народѣ, риторическимъ образомъ его... Коснувшись-же спеціально нашихъ западниковъ, онъ представилъ ихъ въ весьма непривлекательной картинѣ. „На берегахъ Средиземнаго моря есть раковины, въ которыхъ живутъ крустацеи; это вещь очень смѣшная, криветка маленькая, находя пустую раковинку, помѣщается въ ней; комнатка, отдѣланная перламутромъ, ей нравится, она растетъ себѣ въ ней, выпуская клещи и ноги, и растетъ до того, что вылѣзть не можетъ, и тогда креветка таскаетъ на себѣ всю раковину, едва передвигая ноги; наши русскіе западники ужаспо похожи на этихъ креветокъ въ маскарадномъ платьѣ, они даже, какъ раки вообще, пятятся назадъ, думая идти впередъ!"

То обстоятельство, что Герценъ сталъ признавать положенія славянско-народнической партіи и измѣнилъ нѣкоторыя свои воззрѣнія, замѣтно опечалило его друзей и поклонниковъ. Ему не мало досталось отъ „нашихъ начальниковъ литературныхъ отдѣленій", какъ онъ самъ выразился. Замѣчанія ихъ были различнаго свойства. Посылая ему свой романъ „Дымъ", *Тургеневъ* шутилъ: „Ты не религіозный человѣкъ и не придворный, но ты *славянофилъ* и патріотъ и, пожалуй, прогнѣваешься тоже (на новое произведеніе)... Въ другой разъ Иванъ Сергѣевичъ назвалъ воззрѣнія Герцена на Россію „неперебродившей соціально-славянофильской брагой". *Грановскій* также довольно снисходительно журилъ Герцена въ письмѣ къ К. Д. Кавелину, говоря:—

„и что за охота пришла человѣку разыгрывать передъ Европою роль московскаго славянофила, клеветать на Петра Великаго и увѣрять французскихъ refugies въ существованіи сильной либеральной партіи въ Россіи (Барсуковъ, 1900, XIV, 182). *Чернышевскій*, посѣтивъ Герцена въ 1859 г., отозвался о немъ въ томъ смыслѣ, что онъ большой „умница“! Какой умница и какъ отсталъ („Вѣстн. Всемірн. Ист.“ 1901, III, 140). Значительно строже отнесся къ Герцену современный критикъ *Скабичевскій*. Онъ уже находитъ, что Герценъ слишкомъ много фантазируетъ и слишкомъ лирикъ. Герценъ предвидѣлъ этотъ „гнѣвъ нашихъ крѣпостныхъ людей, приписанныхъ къ научнымъ фабрикамъ и схоластическихъ заводамъ“. Біографъ Герцена, *В. Д. Смирновъ*, раздѣляя мнѣніе Скабическаго, съ своей стороны прибавляетъ, что Герценъ никогда не былъ и не могъ быть славянофиломъ, такъ какъ его „жизненный опытъ и темпераментъ по необходимости дѣлали его человѣкомъ другого лагеря“. Затѣмъ, въ 1898 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ (XI) выступилъ *Н. Бѣлозерскій* со спеціальной статьей о славянофильствѣ Герцена, желая ввести поправки къ извѣстной статьѣ Н. Н. Страхова о „Литературной дѣятельности Герцена“. Страховъ утверждалъ, что въ Герценѣ вкоренилось убѣжденіе, что Западъ страдаетъ смертельными болѣзнями, что его цивилизаціи грозитъ неминуемая гибель и что нѣтъ въ немъ живыхъ началъ, которыя-бы могли спасти его, т. е. нѣтъ живаго духа, что мечты Запада не имѣютъ внутренней силы, и что всюду замѣтны признаки духовнаго вырожденія. Н. Бѣлозерскій признаетъ, что Герценъ облегъ Европу фантастическими красками и, сидя въ Москвѣ и проживая около Уральскаго хребта, ослѣплялся сіяніемъ Запада, почему Европа въ общемъ обманула его ожиданія, февральская революція разочаровала его, а республика была признана Герценомъ плодомъ теоретическаго измышленія и поэтическимъ бредомъ стараго міра“ Но,—поясняетъ г. Бѣлозерскій, — контрастъ между русской дѣйствительностію и западно-европейскимъ общественнымъ строемъ всетаки былъ слишкомъ неблагопріятенъ для первой, а главное— Герценъ въ своихъ выводахъ сильно все преувеличивалъ. Умиралъ не самый западно-европейскій міръ, а изветшали его внѣшнія формы, которыя перестали соотвѣтствовать современнымъ условіямъ. Въ этомъ,—по мнѣнію г. Бѣлозерскаго,—кроется су-

щественное различіе между воззрѣніями Герцена и славянофиловъ. Второе различіе заключалось въ томъ, что Герценъ вѣрилъ въ Россію будущаго, но не прошедшаго, и даже не настоящаго.

В. Чуйко также не понравились притязанія Страхова на славянофильство Герцена, почему и онъ поспѣшилъ заявить, что у Герцена со славянофилами было одно лишь общее — вѣра въ русскій народъ, который былъ опоэтизированъ нашимъ эмигрантомъ. Однако, коренная разница заключалась въ томъ, что для Герцена — русскій народъ великъ въ „возможности", въ будущемъ, между тѣмъ, какъ для славянофиловъ, — всѣ идеалы находились въ прошедшемъ, въ отрицаніи всякаго прогрессивнаго начала (?!).. („Наблюдатель" № 3, 1890).

Когда первыя письма Герцена съ безпощадными отзывами и мѣткими замѣчаніями о французскомъ обществѣ и огульнымъ осужденіемъ Европы достигли до Москвы, друзья его были въ большомъ недоумѣніи. Одни хотѣли объяснить все славянской нетерпимостью Герцена, другіе — первымъ впечатлѣніемъ воспріимчиваго автора и т. п. Всѣ нашли ноту, взятую имъ фальшивой, но тѣмъ не менѣе пришлось признать за нимъ право смотрѣть на вещи подъ своимъ угломъ зрѣнія.

Перечисливъ славянофильскія положенія Герцена и указавъ на попытки нѣкоторыхъ писателей ослабить смыслъ и значеніе ихъ, мы этимъ отнюдь не желаемъ ни доказать, что Герцена ошибочно называютъ западникомъ, ни выразить желанія такъ-сказать „перетянуть" его въ славянофильскій станъ. Для этого не имѣется достаточныхъ основаній, и нѣтъ ни малѣйшей надобности. Мы просто устанавливаемъ интересные факты, съ которыми необходимо считаться, и указываемъ, что Тютчевъ и Герценъ, — оба обширнаго ума и рѣдкихъ дарованій, оба воспріявшіе всю современную имъ западно-европейскую мудрость, — при различныхъ обстоятельствахъ пришли къ славянофильскимъ тенденціямъ. Изъ этихъ фактовъ напрашиваются сами собой нѣкоторые выводы. Прежде всего, не указываютъ-ли они, что славянофильство въ основѣ своей — естественное явленіе, а не манія кучки людей, желавшихъ оригинальничать мурмолками и поддевками и, подобно алхимикамъ, напрасно искать золота въ русской исторіи? Иначе говоря, не показываютъ-ли примѣры Тютчева и Герцена, что славянофильскія мысли свойственны рус-

скому человѣку, коренятся въ его природѣ и при извѣстныхъ условіяхъ неизбѣжно должны проявиться, какъ онѣ проявились не только у Тютчева и Герцена, но напр. у Фонвизина, Карамзина, Достоевскаго и другихъ? *) Въ своихъ выводахъ, мы лично не склонены заходить далеко и признаемъ необходимость крайней осторожности, памятуя, что жизненная обстановка, воспитаніе, личныя качества и т. п. неизбѣжно должны оставить свой слѣдъ на славянофильскихъ воззрѣніяхъ каждаго. Особенно надо это имѣть въ виду, когда рѣчь идетъ о столь сложной, разносторонней и увлекающейся натурѣ, какой являлась натура Герцена.

Славянофильство Герцена и славянофильство Хомякова, Самарина, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ и ихъ послѣдователей имѣетъ *различные оттѣнки,* кои необходимо распознавать. Попытаемся намѣтить ихъ существенное различіе и *причину*. Тютчевъ, напр., совершенно освоился съ европейской обстановкой и потому онъ рвался изъ русской деревни; „сѣверъ роковой“ отталкивалъ его. И это естественно. „Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ то, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ!“ Поэтому, говоря отдѣльно о Тютчевѣ, мы склоняемся къ мнѣнію Вл. Соловьева, заявившаго, что „вѣра Тютчева въ Россію не основывалась на непосредственномъ органическомъ чувствѣ, а была дѣломъ сознательно выработаннаго убѣжденія“, т. е., онъ сочувствовалъ Россіи болѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ и любилъ русскій народъ болѣе отвлеченно, чѣмъ реально. Нѣсколько иначе сложились отношенія Герцена къ Россіи. Онъ отпраздновалъ свою молодость въ Москвѣ, а свой медовый мѣсяцъ во Владимірѣ. И тѣмъ не менѣе онъ признавался, что любоваться Россіей можно только издали, съ береговъ Женевскаго озера, или въ гаданіяхъ о будущемъ, въ созерцаніи прошлаго. Въ то-же время въ Лондонѣ, Парижѣ и Женевѣ онъ замѣтно тосковалъ по родинѣ и сердечно радовался на чужбинѣ

*) Проф. Будиловичъ указалъ на то, что у извѣстнаго угрорусскаго дѣятеля Добрянскаго воззрѣнія, совершенно сходныя съ воззрѣніями московскихъ славянофиловъ, также развились самостоятельно. „Думается, — прибавляетъ Будиловичъ, — что фактъ самостоятельнаго появленія на двухъ противоположныхъ концахъ русской земли родственныхъ между собою философско-политическихъ системъ, какъ Хомяковская у насъ, а Добрянская въ Венгріи, представляетъ не только глубокій интересъ психологическій, но и важность объективную, какъ новое доказательство твердой обоснованности этихъ системъ на фактахъ греко-славянской исторіи и жизни“.

соотечественникамъ. „Въ любви искренней, святой къ русскому народу, къ русскому дѣлу, — писалъ онъ Ю. Самарину,—я не уступлю ни вамъ, ни всѣмъ Аксаковымъ“. Это показываетъ, что въ немъ довольно крѣпка была „родная русская бичевка“, которая связывала его съ роковымъ сѣверомъ. Но съ другой стороны, нельзя забывать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Россіи онъ не пожалѣлъ, что онъ доходилъ до *воззваній* съ приглашеніями „соединиться съ поляками въ общую борьбу за нашу и ихъ вольность“, онъ увѣрялъ, что Россіи необходимо будетъ „смыть съ себя пятна крови поляковъ!“ и, наконецъ, онъ оказался способнымъ въ открытомъ письмѣ (къ В. Линтону) въ февралѣ 1854 г. измѣнически совѣтовать нашимъ врагамъ идти на Севастополь, овладѣть Одессой и магометанскимъ населеніемъ Крыма и дать свободу малороссійскимъ крестьянамъ („Руск. Вѣстн.“ 1889, IV, 143).

Впрочемъ, и здѣсь, въ нѣкоторое его оправданіе, справедливость требуетъ прибавить, что въ „передовыхъ“ кружкахъ пятидесятыхъ годовъ находились люди, радовавшіеся паденію многострадальнаго Севастополя и смотрѣвшіе на войну союзниковъ съ Россіей, какъ на войну цивилизаціи съ варварствомъ! (Тамъ же). А въ шестидесятыхъ годахъ „политическое настроеніе нашего интеллигентнаго общества“ было, какъ извѣстно, особенно распущено. „Мы жили тогда,—по увѣренію кн. В. Мещерскаго,—въ какой-то мягкой атмосферѣ уступчивости и слабости относительно всего, что было принципомъ порядка и дисциплины. Пассивная терпимость сказывалась во всемъ и являлась признакомъ политическаго либерализма. Все безмолвно преклонялось передъ положеніями Огризко о томъ, что Россія слишкомъ варварское государство, чтобы имѣло право требовать подчиненія себѣ болѣе цивилизованныхъ и болѣе либеральныхъ національностей. (Отзвуки этого заявленія приходится нерѣдко теперь еще выслушивать и въ печати, и въ устной бесѣдѣ).

Въ своихъ чувствахъ и отношеніяхъ къ славянофиламъ Герценъ, какъ умный человѣкъ, разобрался прекрасно и, какъ искренній писатель, въ своемъ дневникѣ сдѣлалъ намъ много цѣнныхъ признаній.

Объясняя разницу въ любви славянофиловъ и западниковъ къ Россіи, Герценъ говорилъ: „Они (славянофилы) всю любовь,

всю нѣжность перенесли на свою угнетенную мать. У насъ (западниковъ), воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки, довольно поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка,—и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ да потому еще, что ея пѣсни были намъ роднѣе водевилей...“

„Догадался“ Герценъ дѣйствительно нѣсколько поздно о „крестьянкѣ“ потому, что,—какъ онъ самъ выразился,—выросъ „въ третьемъ этажѣ на Пречистенкѣ“, читая преимущественно Шиллера. Вслѣдствіе этого онъ точно растерялся въ первое время, когда передъ нимъ развернулась вся даль Россіи, когда впервые онъ услышалъ пульсъ ея природы. Во время вятскаго „сидѣнья“ и пермской „обязательной праздности“, будучи приписаннымъ къ губернскому управленію и совершивъ маленькій ученый воякъ по губерніи, онъ имѣлъ случай ближе узнать Россію. „Теперь я увидѣлъ хоть часть Россіи“... „Польза очевидная. Вы, messieurs, не знаете Россіи, живши въ ея центрѣ: я узналъ многое о ней, живучи въ Вяткѣ. Большая часть вашихъ синтетическихъ мыслей основаны на книгахъ“.—читаемъ въ его письмахъ. А опыта огнемъ не выжжешь. — продолжаетъ онъ. Живя за-границей, Герценъ многое обдумалъ, сопоставилъ, освѣтилъ новыми мыслями, и въ результатѣ у него получилась своеобразная или. „странная любовь“ къ родинѣ. У Герцена, — по его собственному признанію, — была *одна* со славянофилами любовь къ Россіи, но не *одинаковая*. „Мы, какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ сердце билось одно“... „Время, исторія, опытъ“ сблизили Герцена съ славянофилами, но далеко не совсѣмъ.

„Герценъ говорилъ, и писалъ, и печаталъ по-русски, но мыслилъ-ли онъ и чувствовалъ-ли по-русски?“, отмѣчено въ „Старой записной книжкѣ“ кн. П. А. Вяземскаго (Полн. собр. соч., т. VIII, 319). Эта короткая отмѣтка заслуживаетъ вниманія. Герценъ—типичный представитель нашей либеральной интеллигенціи. Въ немъ олицетворены всѣ хорошія и дурныя стороны русскаго образованнаго человѣка. Но для полноты русскаго сердца, русскаго характера, въ немъ недоставало прежде всего глубокаго религіознаго чувства, могущаго не только вполнѣ роднить, но

сливать его съ народомъ*). Если Герценъ сблизился съ славянофилами въ вопросахъ, касавшихся отечественной исторіи, русскихъ обычаевъ, языка и пр., то онъ далеко стоялъ отъ нихъ въ дѣлѣ уваженія церковныхъ уставовъ: отъ славянофиловъ, какъ онъ самъ выразился, его отдѣляла „*церковная стѣна*“. Религіозное чувство не отсутствовало вполнѣ даже и въ московскій періодъ его жизни, такъ какъ его не разъ видѣли съ Библіей въ рукахъ, на него воздѣйствовала его невѣста указаніемъ на храмъ Божій и т. п., но чувство это никогда не проникало всего его существа. Вотъ еще нѣсколько подлинныхъ его словъ, которыя помогутъ уясненію разсматриваемаго вопроса. „Типъ этихъ (религіозныхъ) споровъ (славянофиловъ съ западниками) одинъ: откуда вѣдьмы,—изъ Кіева или изъ Чернигова? Для людей, не вѣрящихъ въ вѣдьмъ, остается зѣвать и жалѣть расточенія силъ“...

Герценъ, словомъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ принято называть невѣрующими. Затѣмъ, такъ какъ Герценъ въ прошломъ Россіи видѣлъ преимущественно безпорядокъ и пустоту, то у него не было достаточно прочнаго основанія для любви къ Россіи, для возведенія зданія своихъ будущихъ надеждъ о величіи родины. Въ минуту печали, люди другихъ народностей искали утѣшенія въ религіи, въ „святыхъ воспоминаніяхъ“, въ прошедшемъ своей исторіи... Для него не существовало нравственнаго успокоенія въ идеализаціи прошедшаго...**)

Чтеніе Шиллера, Русь, наблюдаемая изъ оконъ 3-го этажа, отдаленность отъ церкви, „европейская нянюшка“ и пр.—все это, вмѣстѣ взятое, отразилось *на свойствѣ* его любви къ русскому народу и могло дать основаніе кн. Вяземскому спросить о Герценѣ: „но мыслилъ-ли онъ и чувствовалъ-ли по-русски?“ Допустимъ даже, что Герценъ мыслилъ и чувствовалъ вполнѣ по-русски, примемъ только во вниманіе, что любовь къ Россіи проявилась у него не сразу и вѣра въ будущность русскаго народа родилась лишь впослѣдствіи, за-границей.

Принявъ во вниманіе указанныя обстоятельства и колебанія

---

*) Извѣстный Зедергольмъ (о. Климентъ) для того, чтобы стать вполнѣ русскимъ рѣшился принять православіе, сознавъ, слѣдов., что между православіемъ и русскою народностью существуетъ тѣсная связь. (Барсуковъ. XI, 63).

**) Въ статьѣ „Дилеттантизмъ въ наукѣ“ Герценъ доказывалъ, что наука можетъ не щадить дорогихъ преданій и народныхъ убѣжденій.

въ дѣйствіямъ Герцена, нельзя, кажется, не признать, что слѣдующая характеристика господина *А.*, сдѣланная Ю. Ѳ. Самаринымъ, можетъ быть примѣнима къ Герцену. „Господинъ *А* и господинъ В. одинаково искренно любятъ русскій народъ и твердо вѣрятъ въ его будущность; но г. *А* обратился къ нему съ *отчаянія*, потому что ни парижскіе работники, ни англійское министерство не оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ; онъ полюбилъ народъ потому, что ему показалось возможнымъ *чрезъ него* достигнуть осуществленія личнаго своего идеала, т. е. идеала г. *А.*, который вовсе не есть идеалъ русскаго народа. Напротивъ, господинъ В. сочувствуетъ самому содержанію народной жизни, вѣрованіямъ народа, его убѣжденіямъ, его быту...“ Словомъ, г. А. любитъ народъ, какъ отвлеченную силу... Этотъ примѣръ въ значительной мѣрѣ помогаетъ намъ разобраться въ чрезвычайно сложномъ психологическомъ вопросѣ объ отношеніи Герцена къ Россіи и русскому народу.

Тонкій анализъ Самарина дастъ возможность объяснить и понять—воззванія 1863 г., въ которыхъ слышались vivat польскому возстанію и pereat Россіи, а также любовное созерцаніе Герценомъ Россію издали, съ береговъ Женевскаго озера, и, наконецъ, тотъ вредъ, который онъ несомнѣнно принесъ родинѣ нѣкоторыми своими изданіями и статьями.

Надо полагать, что Герценъ въ значительной мѣрѣ любилъ не дѣйствительную Россію, какою ее Богъ создалъ, а Россію, значительно окрашенную, если не въ couleur de rose, то въ цвѣта европейской культуры и цивилизаціи; полюбилъ Россію почти исключительно съ помощью воспоминаній, сильной мозговой работы.

Въ этомъ существенная разница между славянофильствомъ Герцена и славянофильствомъ Самарина, Хомякова, Аксаковыхъ и др. Вотъ почему Герценъ былъ правъ, повторивъ (въ 1864 г.) Самарину: „Сблизиться (окончательно) намъ нельзя“... „Мы стояли на параллельныхъ линіяхъ и стоимъ или идемъ“... („Русь“, изд. И. Аксакова. 1883, №№ 1 и 2).

Такимъ образомъ, въ направленіи и въ источникѣ чувства любви къ Россіи и русскому народу была разница между Герценомъ и славянофилами, но зато въ критикѣ Запада они почти сходились. Критика Герцена была только значительно блестящей

по формѣ. Эта критика—большая заслуга Герцена. „Мы съ малыхъ лѣтъ запуганы своимъ ничтожествомъ и величіемъ Запада“—и вотъ Герценъ порывистымъ движеніемъ срываетъ съ плечъ Запада мантію его величія и въ рѣчи, искрящейся остроуміемъ и глубокими замѣчаніями, разоблачаетъ его недочеты *).

„Я вижу,—говорилъ между прочимъ Герценъ,—неминуемую гибель старой Европы и не жалѣю ничего изъ существующаго“... „Среди мрачнаго, раздирающаго душу, реквіема... я съ упованіемъ смотрю на нашъ родной Востокъ, внутри радуясь, что я—русскій“... И т. д. За подобную критику наиболѣе доставалось и достается Герцену, а также и славянофиламъ, отъ начальниковъ разныхъ литературныхъ отдѣленій. Но именно этой стороной своей литературной дѣятельности онъ долженъ быть весьма дорогъ и близокъ намъ, такъ какъ изъ положенія о дряхлѣющей западной цивилизаціи вытекаетъ, между прочимъ, задорная и отрадная надежда на великую будущность Россіи. Пусть не осуждаютъ насъ за это: безъ нѣкоторой гордости и заносчивости также обойтись нельзя. Политическая заповѣдь такова: „Всякій великій народъ,—писалъ Ѳ. М. Достоевскій,—вѣритъ и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ-то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобы стоять во главѣ народовъ“... Или, какъ говорилъ о Россіи Тютчевъ: „Ты—лучшихъ будущихъ временъ глаголъ, и жизнь, и просвѣщенье!“

Западники пришли къ совершенному почти отрицанію самобытной русской культуры. А это отрицаніе, конечно, вредно въ томъ отношеніи, что оно въ корнѣ подрываетъ способность и охоту взяться за какую-бы то ни было работу для Россіи. Если у нея нѣтъ ничего положительнаго, своего собственнаго, то надъ чѣмъ-же работать, для чего трудиться. Остается записаться въ число ѣвшихъ и спавшихъ поколѣній...

Славянофилы-же, объявивъ Европу несостоятельной, указали на положительный образъ русской народной политической

*) Отмѣчу кстати, что это-же продѣлалъ также и князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, одинъ изъ умнѣйшихъ русскихъ людей, который также въ спискѣ славянофиловъ не числится. Можно прибавить еще, что Вл. Соловьевъ въ послѣднее время также сталъ предсказывать гибель европейской культуры и одряхлѣніе западныхъ народовъ.

мудрости. Для осуществленія этого идеала нужна, конечно, долгая и упорная работа и, прежде всего, глубокая вѣра въ формы русской жизни, въ силу и прочность нашихъ историческихъ началъ. Это вполнѣ сознавалъ и Герценъ. „Вѣра въ будущее,—писалъ онъ,—наше благороднѣйшее право, наше неотъемлемое благо; вѣруя въ него, мы полны любви къ настоящему. И эта вѣра въ будущее спасетъ насъ въ тяжкія минуты отъ отчаянія; и эта любовь къ настоящему будетъ жива благими дѣяніями". Съ вѣры начинается все благое и плодотворное. „Всѣ вы, кто-бы вы ни были, если хотите имѣть великія мысли и творить великія дѣла,—вѣрьте!—восклицалъ В. Гюго. Живите вѣрой. Имѣйте вѣру религіозную, вѣру патріотическую, вѣру литературную. Вѣрьте въ человѣчество, въ геній, въ грядущее, въ себя!" Намъ остается прибавить къ этому: вѣрьте также и въ Россію!..